

УДК 821.161.09

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ МОТИВА ПРАЗДНИКА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК»

Реферат. Рассматривается функциональная роль мотива праздника в структуре чеховского рассказа. Подчеркивается семантическая значимость архаических мотивов в реалистических произведениях писателя, благодаря которым реализуется модель бытия, определяющая положение человека в мире и актуализируются представления о человеке как носителе универсальных положений, зафиксированных мифом.

Ключевые слова: миф, мотив, праздник, рассказ, структура, художественное мышление.

В художественных произведениях, как известно, неизменно запечатлеваются константы бытия, его фундаментальные свойства. Бытийные начала, подчеркивает В. Е. Хализев, «приходя в искусство, составляют богатый и многоплановый комплекс вечных тем, многие из которых “архетипичны”, восходят к ритуально-мифологической древности (архаике)» [10, с. 42]. Эта грань художественного творчества является типичной для всех национальных культур: “Она выступает либо как явный центр произведений, либо присутствует в них подспудно, а то и остается не осознаваемой авторами (мифопоэтический подтекст)” [10, с. 42–43]. В этой связи огромный научный интерес вызывают произведения реалистической направленности, далекие, на первый взгляд, от “ритуально-мифологической древности”. Чеховский реалистический рассказ в этом контексте заслуживает особого внимания.

Идейно-тематические и художественные возможности рассказа как особой эпической формы, подчеркивают современные исследователи, значительны. На событийном уровне рассказ построен на частном случае, это “небольшое по объему изображенных явлений жизни” прозаическое произведение, которое «воплощает преимущественно одну из существенных черт персонажа» [6, с. 318]. Однако независимо от воли автора в любом рассказе через мифологемы и архетипические мотивы реализуется существенная модель бытия, определяющая положение человека в мире и, как следствие этого, представления о человеке как носителе универсальных положений, зафиксированных мифом. И это не случайно. Поскольку в первичном мифе заложены принципы и парадигмы всякого человеческого поведения.

Художественному мышлению А. П. Чехова несвойственно обращение к мифу с использованием мифологических сюжетов, героев, чужда позиция мифологизирующего субъекта, буквально верящего в достоверность происходящих событий. Однако, как отмечает Л. Д. Дербенёва, в ткань чеховского “бытового” рассказа порой вплетается ирреальный мотив, возникают архаические образы-символы, которые принимаются читателем как психологически реальные [4, с. 337–358]. К таким произведениям А. П. Чехова с архаическим праздничным “кодом” можно отнести рассказ «Восклицательный знак» (1885 г.).

По “форме” и “программе” – это типичный святочный рассказ, который предполагает наличие фантастики, мораль с опровержением “предрассудка” и счастливое окончание. Действие в чеховском рассказе происходит во время святок, праздника с глубокими архаическими ритуальными корнями, предполагающего возможность перемен, происходящих с героями. Здесь наблюдается фольклорная парадигма, связанная с мотивами зимы, сна, праздника, ночи.

Являясь важнейшим компонентом произведений, мотив представляет собой “устойчивую семантическую единицу” (Б. Н. Путилов) и обладает “повышенной значимостью (семантической насыщенностью) Он активно причастен теме и концепции (идее) произведения <...>” (В. Е. Хализев) [10, с. 266]. То есть, мотив обладает устойчивым набором значений, а значит и легко “прочитывается” в структуре произведения.

Мотив праздника в «Восклицательном знаке» связан с одним из самых ярких и загадочных народных славянских праздников – святками – своеобразным вариантом карнавального праздника, с присущим ему “смехотворством”.

Период святок считался временем активизации в мире людей враждебной деятельности нечистой силы. По древним народным поверьям, именно в эти дни души умерших покидали загробный мир, и “разгуливала по земле нечистая сила, а черти до самого Крещения свободно расхаживают по земле и пугают православный люд...” [7, с. 241]. В это время происходит “разрушение” Космоса Хаосом, за которым следовало новое творение. С этим глобальным феноменом связаны два особых обряда: инициации и празднования Нового года.

В современном чеховедении бытует мнение, согласно которому, в ряде чеховских бытописательских рассказов происходит своеобразное «прободение реальности» в форме фантастического гротеска (гоголевская традиция), Л. В. Дербенёва подчеркивает наличие в чеховских святочных рассказах, которые она рассматривает как несоборанный цикл, наличие мифологического кода [4]. Действительно, в основе сюжета рассказа – один из важнейших элементов мифа – наличие переходного состояния из одного мира в другой – сон. Мотив сна доминирует в святочных рассказах Чехова, поэтому остановимся на нем подробнее.

В архаических культурах смерть сравнивалась со сном, а пробуждение от сна – с возвращением к жизни. Подобная коннотация сохранилась и в фольклоре и в “народном” христианстве. А. Н. Афанасьев в своем фундаментальном труде «Поэтические воззрения славян на природу» пишет: “Сон был олицетворяем язычниками, как существо божественное, и все виденное во сне почиталось внушением самих богов, намеком на что-то неведомое, чему суждено сбыться. Поэтому сны нужно разгадывать, т. е. выражения метафорические переводить на простой, общепонятный язык” [1, с. 18].

Мотив сна с особым художественным осмыслением, как указывал М. М. Бахтин, впервые вошел в европейскую литературу в области серьезно-смехового (жанр “менипповой сатиры”). Именно здесь впервые в литературном “тексте” сон стал противопоставляться обычной жизни как другая, возможная

жизнь (иногда как карнавальная “жизнь на изнанку”). Увиденная во сне другая жизнь, позволяет понять, оценить и принять все по-новому, в свете других возможностей. “Иногда сон прямо строится как увенчание–развенчание человека и жизни” [3, с. 198]. Сон в литературном произведении является формой проявления “онтологической активности персонажа, в результате которой изменяется его бытийный статус” [9, с. 135].

Известно, что К. Г. Юнг рассматривал сон как психическую реальность в обнаженном виде. Если психическая структура есть, по сути, процесс драматический, то вся жизненная история человека есть некое фабульное повествование, и личность не может быть понята более точным способом, как в повествовательной форме. С этой позиции личность является театром “архетипических фигур”, часть из которых располагается на переднем плане внизу и в центре, другие ожидают за кулисами, «маски» меняются местами в зависимости от ситуации, а само состязание демонстрирует героические, комические, трагические и фарсовые темы.

Сегодня общеизвестно, что, с одной стороны, сновидения тесно связаны с реальностью, действиями и мыслями человека, с другой – являются сферой подсознательной, запечатлевшей архетипические формы, символы, поскольку “бессознательное имеет структуру мифа” (М. Элиаде) [431, с. 99, С. 113].

Спящий порой узнает о себе или окружающих гораздо больше, чем в состоянии бодрствования. Так и происходит с героем чеховского рассказа «Восклицательный знак». “В ночь под рождество Ефим Фомич Перекладин, коллежский секретарь, лег спать обиженный и даже оскорбленный” [11, т. 3, с. 569]. Вечером на ужине его обвинили в бессознательном, рефлекторном правописании. Вернувшись домой, он долго размышлял над этим пока не уснул. Всю ночь ему снились “живые” знаки препинания: “толпами летали запятые”, вопросительные знаки “высочили из облаков и заканканировали” [11, т. 3, С. 571], а вот восклицательные знаки “вытянулись и остались в ожидании”.

Подчеркнем, что в святочную ночь человек как бы перерождается для новых, чисто человеческих отношений. Герой вспоминал, когда следует ставить знаки препинания. Все расставил, кроме восклицательного знака, который прев-

ращался уже в навязчивый кошмар. Ефим Фомич понял, наконец, что за сорок лет службы он не поставил в бумагах ни одного восклицательного знака. Узнав от жены, что этот знак ставится при выражении чувств, Перекладин задумался. “Бедному чинуше было холодно, неудобно, точно он заболел тифом. Знак восклицательный стоял уже не в закрытых глазах, а перед ним в комнате <...> и насмешливо мигал ему” [11, т. 3, с. 573]. Восклицательный знак преследует чиновника как навязчивое привидение, мерещится ему повсеместно. Утром герой повел себя необычно. “Перекладин взял ее (ручку с пером. – С. Г.), обмакнул перо в чернила и расписался: “Коллежский секретарь Ефим Перекладин!!!”

И ставя эти три знака, он восторгался, негодовал, радовался, кипел гневом”. После чего “огненный знак удовлетворился и исчез” [11, т. 3, с. 573].

Своеобразие художественности всякого явления искусства коренится в изображении человека, составляющем «центральное звено» архитектоники художественного целого [2, с. 7]. В этом отношении новаторство А. П. Чехова осмысленно еще далеко недостаточно. Как отмечает В. Я. Линков, “выписанный автором необычайно тщательно и подробно характер героя не исчерпывает его”, чеховский герой “поступает не из характера”, “знание о человеке, выраженное в характере, всегда неполно” [5, с. 103]. Герой “нерепрезентативен” [5, с. 105], он действует так или иначе “не потому, что он чиновник или представитель интеллигенции 80-х годов XIX века или человек, воспитанный на какой-то определенной культуре и т. д. Импульс, двигавший героем, исходит из его “я” [5, с. 53].

Эпизод с Перекладиным демонстрирует этот человеческий импульс. Здесь явно присутствует тема взбунтовавшегося второго “Я” (“Я” бессознательного), требующего выражений эмоций. Именно во сне Перекладин узнает, насколько он бесчувственен и бесправен в жизни. После пророческого сна герой меняется (“перерождается”), изменяется его “бытийный статус” (В. В. Фёдоров). Метаморфоза мотивируется общечеловеческими свойствами личности героя, “нереализованным избытком человечности” (Н. М. Фортунатов) в столкновении с социально характерным, стереотипным строем своей и чужой жизни.

Ирреальные и реальные объяснения одного и того же события не отделимы друг от друга, сосуществуют и дополняют друг друга. Как отмечал Е. М. Мелетинский “<...> мифическое прошлое фактически экстемпорально и представляет собой некую мистическую реальность, как-то сосуществующую с эмпирической реальностью обыденной жизни на том же синхроническом уровне” [8, с. 176].

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. / А. Н. Афанасьев – М.: Совр. писатель, 1995. – Т. 1. – 416 с.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин – М.: Худож. лит, 1986. – 543 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. / М. М. Бахтин – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с.
4. Дербенёва Л. В. Архетип и миф как архаические составляющие русской реалистической литературы XIX века / Л. В. Дербенёва. – Ивано-Франковск: Факел, 2007. – 428 с.
5. Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. / В. Я. Линков – М., 1982.
6. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
7. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. / С. В. Максимов – СПб.: ТОО «ПОЛИСЕТ», 1994. – 448 с.
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 3-е изд., репринтное / Е. М. Мелетинский – М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 407 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
9. Федоров В. В. Об одном эпизоде из поэтического бытия Пушкина («Евгений Онегин») / В. В. Федоров // Три шедевра Пушкина. – Донецк: ДонНУ–Норд-Пресс, 2006. – С. 127-142.
10. Хализев В. Е. Теория литературы. / В. Е. Хализев – М.: Высш. школа, 1999. – 398 с.
11. Чехов А. П. Собр. соч.: В 12-ти т. / А. П. Чехов – М.: Художественная литература, 1954 – 1956.
12. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде / [Пер. с франц. В. П. Большакова] – М.: Академический Проект, 2001. – 240 с.

Грушко С. П.

ФУНКЦИОНАЛЬНА РОЛЬ МОТИВУ СВЯТА В ОПОВІДАННІ А. П. ЧЕХОВА «ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК»

Розглядається функціональна роль мотиву святого в структурі чеховського оповідання. Підкреслюється семантична значущість

архаїчних мотивів зі сталим значенням у реалістичних творах письменника, завдяки яким реалізується модель буття, що зумовлює стан людини у світі й актуалізуються уявлення про людину як носій універсальних положень, зафіксованих міфом. (Філологічні дослідження: Чеховський збірник, вип. 12, 2014 (2012), с. 24-30).

Ключові слова: міф, мотив, оповідання, свято, структура, художнє мислення.

Grushko S. P.

FUNCTIONAL ROLE OF THE MOTIF OF HOLIDAY IN THE STORY «THE EXCLAMATORY MARK» BY A. P. CHEKHOV

The article considers functional role of the motif of holiday in the structure of Chekhov's story. It stresses semantic significance of the archaic motifs with fixed meaning in realistic works of the author due to which the model of being is realized. This determines the position of a man in the world. The concept about a man as a bearer of universal notions fixed by the myth is foregrounded. (Philological researches: Philological researches: Collection of articles dedicated to Chekhov's works of art, ed. 12, 2014 (2012), p. 24-30).

Key words: artistic thinking, a holiday, motif, myth, a story, structure.